

Образ России в уральской прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка

Образ России в привычном для читателя смысле - с колоритными пейзажами, с особенностями русского национального характера, с привычной символикой и яркими метафорами - на страницах маминских произведений об Урале, вроде бы, отсутствует. Однако имя России в различных фонетических вариантах, часто встречающееся в художественном пространстве рассказов, очерков, романов, свидетельствует об особой значимости этого гео- и этнокультурного образа в художественном пространстве уральской прозы Мамина-Сибиряка. Мамин создал образ России, причем многогранный. Умение «певца Урала» использовать тот, а не иной топоним позволил ему изобразить не только Россию конца XIX в., но и древнюю православную Русь. Народ называет свою землю просто «Расея», «Рассея».

Прием введения в художественное пространство исторического имени Мамин использует и тогда, когда рассказывает об Урале. Камнем именуется писатель Урал, совершая короткие экскурсии в историю. Это название края оправдано как его географическим положением, так и ходом истории: *«разрушая в одном месте и создавая в другом»¹*. Возникший на *«месте первобытного океана»* (Т.1, 280) Урал, именуемый просто Камень, хранит многие *«кровавые страницы русской истории»* (Т. 1, 240). Народ, по меткому замечанию Мамина, всегда *«тянется к украинам»* (Т. 1, 240). Желание скрыться за Камнем и направляло «голутвенных и обнищалых людишек» на восток.

Моделируя пространство Уральской или Сибирской Украины, писатель конкретизирует понятие Урал. Так, обжитому Южному Уралу противопоставляется Средний, хранящий еще много *«девственных, нетронутых территорий, защищенных горами, непроходимыми лесами, топями»* (Т.1, 277) от большой Рассеи.

Образ Урала в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка многогранен. Это и *«Старик Урал»*, который *«напрягает последние силы, чтобы загородить*

дорогу убегающей от него горной красавице» (Т.1, 312), и «*геологическая морщина»*, пролегающая от «*Ледовитого океана до плоской возвышенности, именуемой в географиях Усть-Уртом»* (Т.1, 281), и «*исторический порог в Азию»* (Т.1, 281), через который переваливал народ, прячась от «*исторической неурядицы»* (Т.1, 282) в Расее.

Включая имя «Расея» в художественное пространство, Мамин, конечно же, знал о возможных интерпретациях топонима. Это, прежде всего, версия о большой рассеянности русского народа по всему миру, о которой писал еще австрийский путешественник и дипломат Зигмунд Герберштейн. Он утверждал, что «московиты» считают древним названием своей страны имя «Россея», так как ее народ «рассеянный или разбросанный» на огромной территории. Православные считают, что дословный перевод имени «Расея» звучит как «Я Есмь Сияние Истины Всевышнего», поэтому большой популярностью среди них пользовалась легенда о России как державе, которая «увеличивает Свет на Земле»²:

Семантика имени Расея в художественном пространстве произведений Мамина разнообразна: страна, имеющая огромную территорию, населенная светлыми людьми, православная страна, с патриархальными традициями, противоречивым нравом.

В рассказе «В худых душах» Мамин показывает, как «*из Сибири в Расею»* (Т.1, 26) бегут осужденные. Для большинства из них Урал служит временным убежищем: где местное население жалеет бродяжек, «*подает хлебушка несчастненьким»* (Т.1, 26). Некоторые остаются на Камне для дальнейшей жизни, потому что в лесах Урала легче спрятаться: среди камней много необжитых земель.

Топоним «Расея» / «Рассея» звучит из уст представителей простого народа. Данный путь интродукции онима неслучаен – Мамин так создает не только образ русского человека, но и образ Родины.

Пространственная характеристика онима Расея, на первый взгляд, является доминирующей, в дальнейшем же топоним наполняется новыми

коннотациями. В повести «Доброе старое время» Мамин рассказывает о своеобразной «материнской заботе» Рассеи об Урале. Она поделилась с ним барской охотой, где проявляется и жестокость барина-самодура, и его желание жить «на широкую ногу». Во время процессии с медведями и «псами, при которых был “человек”» (Т.2, 305) по улицам уральского города крепостная няня Улитушка, уже много лет жившая на Урале, сказала: «Как у нас в Рассее» (Т.2, 306). Повествование о необычной для Урала процессии подготавливает читателя к другой форме «барской охоты» - на девушек. Этой охоте посвящены центральные эпизоды повести. Судьбой крепостных актрис распоряжаются генералы или управляющие заводами. Они на Урал привезли законы «оставленной там, далеко, помещичьей России» (Т.2, 315). Урал как часть Рассеи вбирает в свое пространство ее традиции, организует свою жизнь по ее законам.

Повествование о крепостничестве позволяет Мамину создать образ забитой Рассеи, где народ вынужден преклоняться перед барином. Однако Расея, являясь древней родиной, всеобщей матерью для переселенцев «на Урал, на большую башкирскую землю» («Озорник», Т. 2, 223) противопоставляется Уралу: «Этот уже не наш рассейский... - с грустью говорил дедушка. – И не узнает, какая такая Рассея есть. Желторотым сибиряком будет расти» (Т.2, 223).

Новое / молодое всегда вызывает недоверие у стариков. Однако использованный Маминым сюжетный поворот показывает, что сам писатель в споре прошлого и настоящего на стороне молодых. Дунька, за любовь к которой пострадал бесшабашный Спирька, принесла своего сынишку на благословение к уральскому озорнику, а не к рассейским мужикам. К Спирьке она обратилась со словами: «Ты, Спиридон Савельич, перекрести младенчика, чтоб он тоже не боялся» (Т.2, 243). Рассказ о доверительном отношении женщины – «россеянки» к уральцу снимает или хотя бы сглаживает оппозицию свой / чужой: Урал – часть вечной Рассеи. Этот край щедро делится с ней тем, что имеет сам. Образ рассейского человека, живущего на

Урале, по Мамину, представляет собой своеобразный сплав общенациональных черт и региональных.

На эту особенность Урала указывает Мамин и в очерках «Бойцы». Он наделяет край отцовскими качествами, создает образ защитника, часто называет край «Урал-батюшка». Обращая внимание читателей на то, что Урал оказался тем местом, где обрели свой дом люди разных национальностей, писатель говорит: *«В этом живом муравейнике, который кипит по чусовским пристаням весной под давлением одной силы, братски перемешались когда-то враждебные элементы <...> представители крепкого своими коренными устоями крестьянского мира с вполне индивидуализированным заводским мастеровым, этой новой клеточкой, какой не знала московская Русь и которая растет не по дням, а по часам»* (Т.1, 244).

К пространственной характеристике образа России добавляется временная. Мамин-Сибиряк конкретизирует понятие «Русь», он как бы дробит образ вечной Руси на Русь московскую с ее патриархальным укладом и на Петровскую, для которой характерно тяготение ко всему новому. Урал же сплавляет в себе патриархальное и индивидуально-мастеровое начало Руси, рождая тем самым «нового человека». Происходит своеобразный синтез прошлого и настоящего, нового и старого, своего и чужого.

Часто путем введения в художественное пространство топонима «Русь» создается атмосфера глубины веков. Пространство и время не просто фон, на котором разворачивается действие. Они активны и в этом смысле сопоставимы с сюжетом : порождают сюжетные ситуации, аккумулируют смыслы, формируют мотивные узлы. Экскурс в историю чаще немногословен со стороны писателя, но информационно объемен. А образ Руси ассоциируется со стихией. В очерках «Бойцы» Мамин рассказывает о том, как смутное время загнало на Камень множество «голутвенных и обнищавших людишек»: *«Созидание Москвы и патриархальная неурядица московского уклада отзывались на худом народе крайне тяжело»* (Т.1, 240). Особенности «Петровской Руси» тоже векторно отражались на судьбах уральского

населения. Предание о «государевых слове и деле» повествует о доверчивости русского человека, о его гостеприимстве и широте души. Эти составляющие русского менталитета часто приносят страдания человеку. Так произошло со старицами-сестрами Варсонофией и Досифеей, старцем Варфоломеем и старицей Платонидой, Яковом Солнышкиным, о судьбе которых сообщается в очерках весеннего сплава. Как видим, стихия-Русь в лице ее представителей творит человеческие судьбы.

Отголоски «государевых слова и дела» обнаруживаются в смутное время доносов» конца XIX в., о котором рассказывает Мамин в произведении «В худых душах». Приметы нового времени – подслушивание, доносы, предательство – тяжелы как для расейского, так и для уральского человека.

Ни вечная **матушка-Русь**, ни гостеприимный **Урал-батюшка** не в состоянии «починить души» народа, но они могут понять его страдания и проявить сочувствие. Создавая образ земли русской, Мамин часто обращается к фольклорным мотивам: земля плачет, стонет, когда в поисках золота, люди без жалости вырубают леса, и радуется молодой поросли, которая заживляет ее раны.

Повествование в рассказе «В худых душах» пронизано идиллическими мотивами. Хозяйство отца Якова поделено на два «царства» – «царство» попа на дворе, где все *«устроено на крестьянскую руку»* (Т. 1, 8), и *«владения матушки Руфины»*, которые начинались сразу за порогом. Неслучайно рассказчик всегда *«с каким-то благоговением переступал»* (Т.1, 8) через порог этого дома. Портрет героев поначалу тоже свидетельствует об особом умиротворении : отец Яков напоминает богатыря, матушка Руфина *«перевальцем утицей»* забегает в сени. Ее *«круглое доброе лицо было покрыто мелкими морщинами; они собрались около глаз и рта лучами, разбегавшимися по всему лицу при каждой улыбке»* (Т. 1, 7). Интерьер горницы тоже особенный: тепло, свет, проникающий из трех окон, пuzатый самовар, *«совершенно особенный воздух»* (Т. 1, 9) – все говорит о царстве гармонии.

Однако от идеализации образа Руси Мамин далек. Наряду с положительными сторонами российской жизни он рассказывает и о том вечном, что вечным и не является. Например, доносы на соседей или желание спрятаться. Ироничную писательскую оценку несут пословицы и поговорки, включенные в художественное пространство. Они позволяют понять авторское отношение к описываемым событиям или создаваемым им образам. Так, писатель ставит отца Якова, всеми уважаемого человека, в *«положение насторожившегося зайца»* («В худых душах»); оставляет шапку Башки (возможно, она символизирует ум) смеявшемуся над чувствами Каину («Башка»); замечает, что *«когда на Руси расстаются истинные друзья, они всегда дают взаимное обещание писать, но исполнение прерывается много-много на втором или на третьем письме»* («Первые студенты»).

На Руси, по меткому замечанию повествователя, нередко случается, что в человеке живут *«два человека: один – приниженный, жалкий, льстивый, а другой – самостоятельный, гордый и оригинальный»*. Таким, например, является Фомич из психологического этюда «Лес». Наблюдая за образом мышления, поведением русского человека, Мамин пишет: *«Первого человека Фомич словно надевал на себя вместе с подрясником <...> в разговоре улыбался заискивающей улыбкой и вообще держал себя льстиво-униженно <...> Дома Фомич был другим человеком...Он умел над всем посмеяться умненько и тонко, иногда одной гримасой»* (Т.2 , 193). Двойственность положения, заложенная в оппозициях: церковная служба - мирская жизнь, дом - лес, публичность - одиночество и т. д., часто делает русского человека, по меньшей мере, забавным. Подмечая комическое в том или ином образе, Мамин не становится на позицию сатирика, он лишь метким словом подмечает отличительные черты человека, живущего на Руси.

В рассказе «Гроза» Мамин сообщает, что *«На Руси хоть пруд пруди»* людьми, которые *«до чужих дел <...> были великими охотниками и из-за них позабывали о себе»* (Т.1, 106). Таким является Шапкин. Для этого героя важна *«не материальная сторона дела, а сознание того, что и он работает,*

что и у него есть совершенно определенная профессия, что и он, наконец, может болеть, радоваться в определенном направлении, как органическая часть живого целого» (Т.1, 107).

Осознание себя частичкой мирового порядка присуще всем любимым героям Мамина-Сибиряка. Иван Несчастной Жизни из рассказа «Летные» после длительного возвращения на родину с каторги по-другому взглянул на бытие: *«Теперь деревенский мир являлся перед его глазами во всей трудовой обстановке, как он строился еще дедами и прадедами, - ничего не было здесь лишнего, каждый винт делал свое дело, а отдельный человек являлся только ничтожной частицей громадного живого целого и только в этом целом имел смысл и значение, как нитка в пряже или звено в цепи <...> и только благодаря этому порядку знает, что хорошо, что дурно: радуется, горюет, надеется, плачет и молится и - главное - чувствует себя на своем месте»* (Т.1, 171).

Русь, по Мамину, и есть место, где каждый ощущает себя словно «звено в цепи». Вызывает такие коннотации прием так называемой **«описательной топонимики»** (термин наш - Г. Д.), когда имя собственное не называется, а дается характеристика объекта. В данном случае к такой топонимике можно отнести «деревенский мир» и «целое».

Таким образом, если взять «локально организованные куски текста»³, объединенные одним словом «Русь», то можно прочесть «закодированный» в нем миф о «вечной Руси». К образу Руси Мамин обращается в такие моменты повествования, когда хочет подчеркнуть патриархальность родины, важность сохранения ее традиций или объяснить противоречивость характера русского человека. Это его «миф» о Руси, находящейся то в материнских отношениях с Уралом, то в «братских».

Исследователь художественного пространства В. Н. Топоров считает, что в мире, где уже все есть, центральное место занимает слово, потому что именно благодаря слову «определяются в языке две сферы – “подъязыковая” и “надъязыковая”. Язык не только определяет эти сферы, но и отсылает к ним.

Он ведет ниже и выше – к материально-вещному и к идеально-духовному – и тем самым соединяет верх и низ»⁴. По мнению В. Н. Топорова, миф реализуется путем воплощения идеи в слове. Исследователь считает, что все в мире вырастает из потребностей человека. Следовательно, если человеку нужен миф, он его создает, если человеку нужно новое слово, то он его рождает.

Может быть, поэтому древняя Русь в XVI в. стала Россией. Это слово впервые было зафиксировано в Московской грамматике 1517 года. Форма на -о- приходит из греческого языка патриаршей канцелярии в Константинополе. Во времена Никона, считавшего себя убежденным сторонником греческой, но не русской веры, великая Русь, по мнению Д. С. Лихачева⁵, превращается в Россию. Следует заметить, что ни один языковой процесс не бывает случайным. В. Н. Топоров, размышляя над возникновением новых слов, писал: «Появляются слова и высказывания, претендующие на то, чтобы быть последней инстанцией. Определять все остальное, подчиняя его себе. Слово в этих условиях выходит за пределы языка, сливается с мыслью и действием, актуализирует свои внеязыковые потенциалы»⁶. Таким в триаде *Рассея – Русь – Россия* стало последнее слово.

Это имя Мамин использует для обозначения пространства настоящего. Если Русь Мамина-Сибиряка светлая, древняя, гостеприимная, сытная, добрая, то Россия, прежде всего, необъятная. Россия – это страна, где регулярно проходят ярмарки, где звучит «проголосная русская песня», где есть место людям разных национальностей. Хотя по этому поводу Мамин также иронизирует. Например, про немца Карла Иваныча писатель говорит его словами: «Он жил *на России* чуть не двадцать лет и говорил самым невозможным ломаным языком, но зато ругался по-русски мастерски» («На шихане», Т. 1, 128).

Широту родины писатель постоянно подчеркивает местоимением «*на всю Россию*», «*по всей России*». Даже песни по всей России «ходят» одни и те

же. Высоким нежным голосом Иосиф Прекрасный из очерка «Летные» исполнил одну из них:

Как по речке, по быстрой,
Становой едет пристав...

Ох, горюшко-горе,
Великое горе!..

А с ним *письмоводитель* –
Страшенный грабитель.

Ох, горюшко-горе,
Веселое горе!..

Едут по великому делу:
По мертвому телу...

Оксюморонное выражение отражает сложность восприятия народом бытия : перемешалось все – боль и потеха, жизнь и смерть. Какой бы огромной ни была Россия, везде тяжело живется рабочим, везде царит нужда и гонит их с нажитых мест на Урал, «смешивая» в одну «пеструю толпу». Из нее формируются «русские артели». Без них *«русский человек – погибший человек»* (Т. 1, 344). Только благодаря совместному труду народ, будь то сплавщики, рабочие на приисках или крестьяне во время страды *«при наличии мінітима благоприятных условий, может не только ухитриться просуществовать, но еще выполнить тахітим работы»* (Т. 1, 344).

Исследуя взаимоотношения Урала и России нельзя не сказать о Сибири. Известно, что Мамин считал себя сибиряком, т. к. место его рождения – Висимо-Шайтанский завод – в начале XVIII в. входило в состав Сибирской губернии. Псевдоним, выбранный писателем, акцентирует внимание на самоидентификации Мамина с краем.

«Певец Урала», по сути, является и певцом Сибири – в его произведениях «сложен “живой образ” сибирского края»⁷. Об этом пишет исследовательница творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка Е. Н. Эртнер. Однако образ Сибири в произведениях Мамина трактуется неоднозначно: он то как

бы соединяется с Уралом, то представляет собой далекий и холодный край. Так, в рассказе «Гроза» в повествование об уральской природе вкрапляется рассказ о приходе в Сибирь «белого дерева»: *«Господствующие лесные насаждения на Урале – это хвойные леса <...> Колонизация новых лесных пород шла за человеком шаг за шагом <...> Собственно, в Сибири береза была неизвестна, и среди инородческого населения сложилась легенда, что вместе с этим “белым деревом” идет и власть “белого царя”»* (Т. 1, 100-101). Следовательно, локусы Сибирь и Урал в сознании повествователя не разделяются. В «Летных», изображая путь бродяжек, писатель обращает внимание на то, что Сибирь и Урал сплачивают людей. Этого требует суровая природа. В Рассее же *«всякому уже приходится идти в одиночку»* (Т.1, 146). В данном произведении повествователь разделяет пространство России на части: путь бродяжек лежал *«через Сибирь»*, *«через Урал»* в Россию.

Образ новой России, созданной на страницах маминских произведений, трактуется неоднозначно. Как видим, широта России, ее гостеприимство не мешает тому, что жизнь трудового народа с каждым днем становится все горше и тяжелее. Россия не властна над временем, ход истории ей не подчиняется. Она своеобразный заложник новых капиталистических отношений, которые формируются в XIX в.

В организации пространства России лежат основные оппозиции *древность - современность, вера - неверие», деревня - город, общее - индивидуальное*, которые реализуются при помощи слов **«Русь»** и **«Россия»**. Различные их коннотации усиливают звучание мотива начала и конца в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка. Начало отличается всеобщей гармонией, радостью бытия. Приближающийся конец православной Руси характеризуется созданными Маминым образами *«великих грешников»*, основные типы которых уже были заданы евангельскими притчами. Мытарь (злостный стяжатель земных богатств) представлен в *«Уральских рассказах»*, например, образами *«сплошного немца»* (*«Родительская кровь»*) или Бучинского (*«Золотуха»*). Блудницами являются Поленька (*«Поправка*

доктора Осокина») и Настенька («Переводчица на приисках»). Гонитель – Кинтильян («В худых душах»). Излюбленным типом персонажа-грешника для Мамина-Сибиряка является разбойник⁸. В разбойнике «странно сошлись две коренные особенности национального духа», специально выделенные Д. С. Лихачевым: свободолюбие и стремление «доходить во всем до крайности, до пределов возможного»⁹. Может, поэтому в маминских произведениях часто упоминаются имена С. Разина, Пугачева, Ермака и так много придуманных историй о разбойниках, таких как Яков Солнышкин, Рассказов и др.

Приближение конца Руси чувствуется и в трагичности финалов произведений. Например, после ареста Отравы болезнь села не прошла: *«Мужики зверствуют, а бабы травят»*, – пишет Мамин. А русская *«деревня давно спала мертвым сном»* («Отрава»). Застрелилась Ираида Филатьевна, переводчица на приисках, не сумев смириться с очередным предательством. Сентенции писателя о надвигающемся непросто́м будущем подводят итог его размышлениям о «начале и конце»: *«А впереди в форме капитализма уже встает нечто горшее, которое властно забирает все кругом»*.

Хотя отношение Мамина к древней Руси амбивалентно: с одной стороны, она является хранительницей всего патриархального, доброго, с другой – помехой в прогрессивном развитии – писатель явно склоняется к тому, что прошлое, пространство которого представлено топонимами Рассея, Русь, светлей и лучше настоящей России. Маминский миф о Рассее – Руси по своей сути совпадает с общенациональным, а писательское восприятие отношений страны и края – России и Урала – своеобразно и вербализуется в топонимах **Расея / Рассея – Русь – Россия и Урал / Камень** – край, на который Мамин возлагает надежды в деле сохранения вечного, целого.

¹ Мамин-Сибиряк, Д. Н. Уральские рассказы в 2-х т. Т. 1.– Свердловск, 1983. – С. 280.

Далее указываю страницу по этому изданию.

-
- ² См.: Мыльников, А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы [Электронный ресурс] : Представления об этнической номинации и этничности XVI – XVIII веков. – СПб, 1999. – [http: // ukrhistory.narod.ru/texts/mylnikov-1.htm](http://ukrhistory.narod.ru/texts/mylnikov-1.htm). – (09.01.2009).
- ³ Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. - М., 1995 – С. 193.
- ⁴ Там же. С. 5.
- ⁵ Лихачев, Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. -1990.- №4. - С. 3-6.
- ⁶ Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. – М., 1995. – С. 195.
- ⁷ Эртнер, Е. Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX веков. - Тюмень, 2005. - С. 83.
- ⁸ См.: Блажес, В.В. Поэтическое в очерках «Бойцы» Д. Н. Мамина-Сибиряка // Известия Урал. Гос. ун-та. - 2002. - № 24. – С. 57 -66.
- ⁹ Лихачев, Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. -1990.- №4. - С. 3-6.